

УДК 271.2

Ильина Алина Юрьевна,

Ilyina Alina Yuryevna,

соискатель, кафедра культурологии, философии и социальных наук, Нижневартовский государственный университет, г. Нижневартовск,
Ilyin86@mail.ru

Candidate for Doctorate, Chair of Cultural Studies, Philosophy and Social Sciences, Nijne Vartovsk State University, Nijne Vartovsk town, Russia
Ilyin86@mail.ru

**ФЕНОМЕН СТРАННИЧЕСТВА В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
КУЛЬТУРЕ**

**A PHENOMENON OF RELIGIOUS
PILGRIMAGE IN RUSSIAN ORTHODOX
CHRISTIAN CULTURE**

Статья посвящена феномену странничества в отечественной православной культуре. Автор уделяет внимание истокам происхождения странничества в отечественной православной культуре.

This paper deals with the phenomenon of pilgrimage in Russian Orthodox Christian culture. The author pays special attention to the origins of religious pilgrimage in Russian Orthodox Christian culture.

Ключевые слова: странник, странничество, православие, русская культура.

Key words: pilgrim, religious pilgrimage, Russian Orthodox Christian culture

Представление о человеке как страннике на земле коренится в сущности православной культуры и принципиально новом характере отношений Бог–мир–человек. Православие провозгласило иное понимание человеческого бытия, смысла жизни, безусловное бессмертие его души. Отныне путь человека на земле рассматривается как непрерывный поиск изначальной гармонии с природным миром и Создателем. Человеческая душа нуждается в постоянной связи с Богом, поскольку связь эта носит онтологический характер человеческого бытия. В православной культуре человек может быть близок к Богу, может быть верен ему, только оставаясь безосновным, не укореняясь, не вживаясь в «мир», в котором он вынужден жить. Лишь оставаясь странником на земле, человек может быть настолько свободен от мира, чтобы полностью отдаться Божьей воле. В рамках данной установки жизненный мир настоящего оказывается временным пристанищем, по отношению к которому человек свободен в своей непривязанности к нему.

Слово «странник» восходит к древнерусскому «странникъ» (от сторона, страна) и выступает в значении «путешествующий по разным странам». В «Толковом словаре живого великорусского языка» странник определяется как «захожий человек, ищущий приюта». Анализируя словарную статью В.И. Даля, можно сделать предположение, что слово «странник» также связано со словами «странничанье», «странство» – «скитание по святым местам, монастырям», «странница» – «сторонний, посторонний, нездешний» и «странничать» в значении «чудить», «отличаться от людей странностями». К XX в. слово «странник» получило новые оттенки и стало связываться либо с формой религиозного подвижничества, либо передвижения под действием внешних обстоятельств. Еще одним важным дополнением к образу странника в XX в. стали характеристики одиночества и бесприютности.

Отношение к странничеству в народной традиции во многом определялось представлениями об иррациональном начале этого феномена. В духовной памяти народа укрепилась мысль о том, что за каждым странником может стоять сам Христос, а потому, принимая его, человек принимает самого Христа или его ангелов. Нередко в странниках видели носителей неких сакральных знаний и качеств. Надругательство над гостем, отказ ему в крове и пище, нежелание предоставить ему место для отдыха воспринималось на Руси как тяжкий грех.

Православное странничество предполагает стремление к ежесекундному хождению пред лицом Божиим, то есть в непрерывной внутренней молитве – словами или устремленностью души. Очищенность сердца от страстного отношения к вещам и людям помогает молитве преобразить духовное зрение странника, он начинает видеть все окружающее по-другому, в свете Христовом. Как пишет архимандрит Киприан, анализируя «откровенные рассказы странника духовному своему отцу», «молитва имеет свое глубокое гносеологическое значение и открывает ему (страннику) в его мистических созерцаниях то, что отцы называли «знанием логосов вещей», то есть премирного их смысла [1; с. 282].

В Евангелии от Иоанна Иисус Христос выражает апостолам свою готовность уделить им свое место в обители Бога Отца, чтобы взять их туда к себе. В другом фрагменте Иисус называет себя «дверью овцам» (Ин.14:7) и гарантирует вечную жизнь тем, кто этой дверью пойдет (Ин. 10:9-10). Следование путем Христа рассматривается посредством метафоры крестоноше-

ния, и это предусматривает отрешение от всего, чем человек обладает (Лк.14:33) – не только от материальных, но и социальных благ. При этом, призыв Иисуса Христа взять крест и следовать за ним сопровождается призывом к своим последователям переориентировать их самость и жизненную позицию в направлении заботы о спасении [2; с. 34].

Разумеется, что страннический подвиг – это выбор избранных, людей, взявших на себя один из самых трудных крестов в деле спасения души. Святой Иоанн Лествичник в своей знаменитой «Лествице» его определяет так: «Станничество есть невозвратимое оставление всего того, что в отечестве противодействует нам к достижению цели благочестия. Станничество есть недерзновенный нрав, неведомая мудрость, высказывающее себя благоразумие, сокровенная жизнь, незримая цель, неявный помысл, желание унижения, вожделение стеснения, начало божественной любви, обилие любви, отречение от тщеславия, глубина молчания. При сохранении духовной основы древней христианской традиции станничества и станноприимства русский народ по-своему воплотил их в культуру. При этом следует различать станничество как христианское понятие, восходящее к аскетике, и станничество как духовный подвиг, выбираемый подвижником благочестия для своего спасения. Станники так прочно вошли в русскую действительность, а образ станника – в русскую культуру, что появился целый ряд понятий и представлений, а также жизненных установок и форм поведения» [4; с. 30].

Слово «станник» и его производные неоднократно встречаются в Библии: «когда Бог повел меня станствовать» (Быт. 20, 13), был станник, и приняли Меня» (Мф. 25, 43), «Станник я на земле» (Пс. 118, 19), «Будьте станнолюбивы друг другу» (1 Пет. 4, 9), «станнолюбия не забывайте» (Евр. 13, 2). На церковнославянском это слово обозначало чужого человека, пришельца, станного, непохожего на окружающих людей.

Согласно православному учению, жизнь человека уподобляется пути, который должен пройти каждый, и по результатам этого станствия будет определено загробное существование души. «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр. 13, 14) – звучит как наставление и призыв. «Земная жизнь – ни на час не прекращающееся путешествие. Идем, идем: внезапно отворяются врата вечности, и мы теряемся в ее невообразимом пространстве. Как прекрасно об этом говорит Святой Давид: «пришелец аз есмь на земле: не скрытый от мене заповеди Твоя!»» [4; с. 30].

Богом человеку позволено пользоваться на земле самым необходимым, без которого невозможно земное путешествие. В жизни ничто не должно отвлекать человека от мысли о вечности, поэтому развлечения, излишества, удовольствия, удаляющие его от цели земного существования, недопустимы. «Они жили на земле, как в стране изгнания, как в стране плача и покаяния, питаюсь надеждою обетованного избавления, согладая оком веры вечность. По вере умроша сии вси, не приемше обетований, но издавеча видевше я, и целоваше, и исповедовавшие, яко станнии и пришельцы суть на земле» (Евр. 11, 13), – говорится о праведниках Ветхозаветной Церкви, проводивших земную жизнь сообразно назначению, данному Богом.

В подвиге станничества проявляются некоторые особенности русского национального характера, прежде всего стремление к идеальному, духовному, «в котором Русь выявила свой лик», что проявилось в поисках встречи с Богом на перепутье русских и вселенских дорог. Три пути станничества знает Русь. Первый путь «ведет от Церкви в необозримые путаницы дорог, это путь от ограды Христовой, путь самости, желания создать свою собственную религию, желания выявить во что бы то ни стало новое». Это путь русских пантеистов, «ужаснувшихся злу мира бегунов, конец его зрителя в темных делах ночных и осенних дорог». Второй путь – путь богоискателей, которые жаждут, но не могут найти Христа. Идущие этим путем знают легенды и сказания о Китеже, о Церкви Христовой, закрытой за семью замками, ищут ключи от этих затворов. Есть и третий путь, светлый путь станничества, когда, порвав с уютом и семьей, выходят станники во имя Христа на дорогу для того, чтобы уйти с нее в могилу. «Они видят Христа, грядущего по весям и долам, по тропам лесным и берегам глубоких рек, и идут за Ним, радостные, твердо веря, что эта дорога земная подымается к небу и сольется со светлой дорогой надзвездной» [4; с. 32].

Специальной научной и духовной литературы, посвященной «станничеству», немного. Однако о том, как верующие люди становились станниками, что включает в себя этот подвиг, свидетельствуют описания жизни благочестия. Они выходили на станнический путь чаще всего в начале своего духовного восхождения, иногда даже в детстве. Случалось, и такое: восхождение начиналось в весьма зрелом возрасте. Подвиг станничества рождал провидение будущего: «От послушания рождается смирение...от смирения же рассуждение...от рассуждения – рассмотрение, а от сего – прозрение», – говорит автор «Лествицы».

Странник ощущает себя творцом, понимая, что его творчество есть не только средство собственного спасения, но и удовлетворения неземного забытия. Пребывание в таком творчестве понимается сердцем, нежели умом. Муки творчества являются платой за отпадение человека из естественного бытия, в некотором роде это есть разделение человека. Трудно сказать, сопровождали ли эти мысли странника. Ясно одно: если сопровождали, то наверняка странник их хранил и очень дорожил ими, так как они были понятны лишь ему и ни о чем не говорили другим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Грехневские чтения: сборник научных трудов. Вып. 4. / – Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев. 2007. – 332 с.
2. Д. Ростовский. Житие святых. Кн. VII. / – М., 1905. – 595 с.
3. Русское подвижничество./ Сост. Т.Б. Князевская./ – М.: Наука, 1996. – 572 с.
4. И.В. Моклецов. «Хождения» в русскую культуру и литературу. X-XX в. Ч. 1/ МГУ им. М. Ломоносова, Фак. Иностранных языков./ – М., 2003. – 74 с.